

30 сентября

*Вера, Надежда, Любовь и мать их Софья –
всехсветные бабьи именины.*

Памяти бабушки, Надежды Лопуховой

Вот приходят осенины
на исходе сентября,
урожайные корзины
к доброй трапезе даря.
Всех-на-свете именины –
тихий праздник – жизнь полна!
И напомнят осенины
Дорогие имена...
Ах, Надежда, белый ангел!
Знаком красного креста
осиян твой подвиг тайный
и земная красота.
В годы власти лжи и скверны,
на миру, средь бед и зла,
ты свою хранила веру,
ты любовь уберегла.
Боль и раны – о, коварство
тыловых военных зим! –
врачевала не лекарством –
милосердием своим.
Дом вела, дитя растила.
Дочка умницей была
и твою благую силу
с детства в сердце приняла.

То добро не расплескалось –
греет все еще тепло!
Что-то мне от вас досталось,
что-то сыну перешло.
Память крови, память рода
в наших праздниках живет.
Дар сочувствия природа
только сильному дает.
В знак любви моей безмерной
я родства лелею нить,
дар терпения и веры
я надеюсь сохранить.
Из того, что все мы просим,
много ль надо? Лишь свое!
Пусть опять приходит осень –
мы отпразднуем ее!

Вкус имени

Название «Ленинград» на вкус –
как виноград,
все «ягодки» его звучат вполне по-русски.
И не было б проблем вне идеологем,
вне этой спорной смысловой нагрузки...
Но столько боли в нем!
И столько в нем смертей,
страдания, безумия, терпенья,
что имя – как вино – отравлено.
Не пей,
Не пей вина, Гертруда, есть сомненья...
Название «Ленинград» на вкус –
как виноград,
А «Петроград» – уверенней и жестче.
А Петербург с его приставкой «санкт»
и ближе нам, и, как ни странно, проще...
Он вышел в люди! –
дерзкий младший брат
российских крепостей средневековых,
в морском мундире, статный камень-град,
герой поэм и летописей новых...
Вкус имени его изысканно горчит,
как тот напиток из заморских зёрен,
что стылым утром греет и бодрит,
и стережет немеркнувшие зори...
И сладко Питер пить,
и сладко узнавать
соленые ветра и пресные туманы,
чтоб именем его – все имена созвать
и вспомнить
Александра, Ольгу, Анну...

Чтоб в упоенье складывать слова,
и пробовать на вкус стихи чужие...
Что в имени? Лишь память.
И права
на жизнь и смерть.
И продолжение жизни.

Февральский рисунок

Февраль. Замерзли все чернила...
Зима расщедрилась опять:
таких морозов напустила,
что можно школу прогулять.
И в замороженном трамвае,
согревши пальчики в тепле,
играют дети, оставляя
«кошачьи лапки» на стекле.
И каждый хочет похвалиться,
что он еще тепла припас...
А сколько лет им – десять, тридцать?
Какая разница сейчас...
И, кажется, еще немножко –
поверю я, и ты поверь,
что по стеклу гуляла кошка
или другой какой-то зверь,
что им не холодно в трамвае,
что их кондуктор накормил,
и что они не умирают,
пока на жизнь хватает сил...

Семейная фотография

Вот и кончилось детство –
твое ли, мое ли...
Кто из нас не успел
наиграться в игрушки?
Были стены в каракулях,
праздники в школе,
и смешные стихи про подружку-лягушку...
Я всегда торопилась, тебя торопила –
рисование, хор, надоевшая скрипка...
Сколько нежности в спешке утрачено было!
А на фото – твоя ли, моя ли улыбка...
Как же странно искать
в наших лицах несхожесть,
ту, что сразу заметна,
с момента рожденья!
Мне казалось,
что нас разделить невозможно.
Я к тебе приросла.
Навсегда.
На мгновенье.

Старая ветка

Август хрустнул тяжелою веткой...

Сергей Карасев

Заскрипела усталая ветка...
Что ты плачешь? Тебе же легко:
твое солнышко, яблочко-детка
укатилось уже далеко...
Где-то семечко корни пустило,
в новых землях уже проросло...
Что же, старая, ты загрустила?
Все как следует в жизни пошло.
Все как надо – дороги, тревоги,
бури, засухи и холода...
Там свои мотыльки-недотроги,
там своя нелюбовь – не беда...
Что, корявая, счастьем не веришь?
Иль свобода не по душе?
Он и первенец твой, и последыш,
а других не дождешься уже.
Вспомни, ты ведь порой скуповата
на тепло и заботу была...
Что ж, старуха, сама виновата:
мало добрых плодов принесла...

Осень

Все так прекрасно и... недостижимо.
Уходит в море золотая рыбка.
И молодая жизнь проходит мимо.
И луноликой девочки улыбка
кого-то греет и кого-то манит.
Твои друзья ничуть не повзрослели –
им жизнь – игра,
и целый мир – в кармане!
Вас не догнать... Иди, не стой.
Не мне ли
хотелось так же вот уйти из дома,
чтоб утвердить свое самостоянье...
Да не пришлось.
Все это так знакомо –
азарт работы, радость узнаванья
и нежность дружбы, вдохновенье весен
и злых страстей земных повадка лисья...
Все было. Все прошло.
Осталась осень.
Все умерли давно истоптанные листья.
Но я еще жива. И наблюдаю,
как молодая жизнь проходит мимо,
и рыбок золотых летучих стая
уходит в море, ветерком гонима...

...Да нет же!
Все не так, все по-другому:
да, жизнь идет,
идет, а не проходит!
В ней нет отсылок к вытертому тому
инструкций в непонятном переводе.
Все – неизвестность...
Холодок по коже?
Живи смелей! Я рядом – отопрею,
плечо подставлю – слабое, но все же...
...Прекрасна жизнь. И я люблюсь ею!

Успение

Теперь в одеждах праздничных прилечь,
внезапно почему-то обессилев...
Потом в чужую вслушиваться речь,
чего-то ждать...
Чего? Шуршанья крыльев?
Заботы дня остались позади.
Хлеб испечен. И отдыхают руки.
Готова... Трепетание в груди...
Чего страшиться – встречи ли, разлуки?
Зовут. Склонились. Окликают вновь.
И нету сил ответить, отозваться.
И вот слезами пролилась любовь,
последнее тепло стекает с пальцев.
Еще взглянуть – что светится там за...
Как будто натянулась пуповина...
А где-то шла далекая гроза,
и гром был нежен, словно голос Сына...

Птицы наших... зверей

(По следам одной опечатки...)

Птицы наших зверей в городах не свистят,
не снуют у дверей и на ветках не спят.
Птицы наших зверей не хотят быть едой:
они видели рыб, оплетенных бедой.

Рыбы наших зверей в морозилке лежат,
каждый их плавничок плотно к телу прижат,
эти рыбы уснули уже навсегда,
им теперь лишь кипящая снится вода.

Звери наших зверей из-под стульев и ламп
убегают со всех своих плюшевых лап
прочь, на волю, туда, где у южных морей
им свободу поют птицы наших зверей...